

Немезий

О природе человека. De natura hominis

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н50

Н50 **Немезий**
О природе человека. De natura hominis / Немезий – М.: Книга по Требованию, 2025. – 267 с.

ISBN 978-5-519-98950-3

ISBN 978-5-519-98950-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

рыя приводятся у Фабриція ¹⁾, съ несомнѣнностью можно констатировать, что авторомъ трактата «De natura hominis» былъ *Немезій*, епископъ *Емесскій*.

О времени жизни и дѣятельности Немезія, за отсутствіемъ какихъ-либо опредѣленныхъ и несомнѣнныхъ историческихъ указаній, можно строить лишь нѣкоторыя предположенія (довольно, впрочемъ, вѣроятныя) на основаніи данныхъ, представляемыхъ содержаніемъ самаго трактата. Общій выводъ, къ какому приходитъ большинство изслѣдователей, тотъ, что Немезій жилъ въ концѣ IV вѣка. Полемика, которую ведетъ Немезій противъ Евноміанъ, Аполлинаріанъ и Оригенистовъ, заставляетъ думать, что онъ писалъ свое сочиненіе въ то время, когда эти ереси волновали церковь. По мнѣнію Оксфордскаго издателя, отнесеніе нашего писателя къ 4-му вѣку оправдывается и подтверждается, съ одной стороны, самымъ характеромъ Немезіева трактата, дышущаго всѣмъ величіемъ знаній, свойственныхъ 4-му вѣку, когда умиравшее язычество подъ знаменемъ неоплатонизма напирало свои послѣднія усилія въ борьбѣ съ христіанствомъ, а это послѣднее противостояло философін въ лицѣ корифеевъ тогдашней христіанской мысли (Свв. Аѳанасія, Василія, Ефрема Сир., Григорія Нисскаго, Григорія Богослова, Елифанія и др.),—а съ другой стороны—тѣмъ обстоятельствомъ, что Немезій упоминаетъ въ своемъ трактатѣ лишь тѣхъ писателей, которые жили до 400-го года ²⁾. Однако-же, и Оксфордскій издатель, въ своемъ предисловіи весьма обстоятельно и подробно изслѣдующій всѣ данныя, касающіяся біографіи Немезія, не находитъ возможнымъ точно и категорически опредѣлить время его жизни. Дѣло въ томъ, что древность сохраняла намъ имена нѣсколькихъ Немезіевъ—христіанскихъ философовъ, жившихъ около времени Григорія Назіанзена, писавшаго письмо нашему Немезію ³⁾. У Исидора Пелусіота находимъ пять писемъ, адресованныхъ на имя Немезія, но относящихся—повидимому—къ отдѣльнымъ лицамъ ⁴⁾. Впрочемъ, самый трактатъ «De natura hominis» дающій основанія, какъ мы видѣли, предположить, что писатель его жилъ во времена Оригенистическихъ и Евномистическихъ движеній, можетъ свидѣтельствовать, съ другой стороны, о томъ, что нашъ авторъ

¹⁾ Fabricius—Bibliotheca Graeca, vol. VII, p. 550. См. ниже—полный русскій переводъ предисл. Фабриція.—

²⁾ Praefatio editoris Oxoniensis по изд. Matth., p. 26—27. См. ниже полный русскій переводъ этого предисловія.—

³⁾ Fabricius—Biblioth. graeca, vol. VII, p. 549, примѣч. 1.—

⁴⁾ См. Praef. ed. Oxon. ibidem.—

жилъ раньше появленія ересей Несторіанской и Евтихіанской (V в.). Въ третьей главѣ, посвященной вопросу «О соединеніи души и тѣла», Немезій, разсуждая объ унпостасномъ соединеніи въ лицѣ Іисуса Христа двухъ природъ—Божеской и человѣческой,—очень наглядно полемизируетъ противъ Евномія словами, въ которыхъ выясняетъ свойства безтѣлесной природы (*ἀσώματος φύσις*). Мы здѣсь не приводимъ этихъ словъ, такъ какъ они буквально написаны въ предисловіи Оксфордскаго издателя, переводъ котораго помѣщенъ у насъ ниже наряду съ предисловіями другихъ издателей. Замѣтимъ только, что слова эти (какъ справедливо полагаетъ Оксфорд. издатель) скорѣе и гораздо удобнѣе были-бы направлены Немезіемъ противъ Несторія и Евтихіа, если бы во время написанія трактата они уже распространяли свои еретическіе догматы, колебавшіе со временемъ, какъ извѣстно, весь почти христіанскій Востокъ. Наконецъ, еще нѣкоторые частныя соображенія и доказательства въ пользу того, что нашъ писатель жилъ не позже конца IV (или начала V) вѣка, можно читать въ предисловіи Оксфордскаго издателя. Если присоединить ко всему сказанному то обстоятельство, что въ своемъ обширномъ разсужденіи о свободѣ воли (на протяжении нѣсколькихъ главъ) Немезій ни однимъ словомъ не упоминаетъ о *пелагианизмѣ*, то будетъ уже, кажется, попятно—почему большинство изслѣдователей вполне согласно относятъ Немезіа къ концу IV (или самому началу V) вѣка; таковы, напр: Fellus ¹⁾, Gallandius ²⁾, Cave ³⁾, Ceillier ⁴⁾, Brucker ⁵⁾, Fabricius ⁶⁾, Cousin ⁷⁾ и друг. Исключеніе представляютъ Ritter ⁸⁾, и Du-Pin ⁹⁾, изъ которыхъ первый относитъ Немезіа къ 1/2, а второй къ концу V вѣка—безъ указанія какихъ бы то нибыло основаній къ этому.

¹⁾ Fellus—онъ же Оксфордскій издатель. См. Praef. ed. Oxon. и ниже—русскій переводъ.—

²⁾ Gallandius—Bibl. vet. Patrum., p. 11 (prolegom.). Онъ даже—точно—относитъ написаніе трактата къ 380-му году.—

³⁾ Cave—Historia liter. p. 276.—

⁴⁾ Ceillier—Histoire générale des Auteurs sacrés et eccles., t. VI, p. 283.—

⁵⁾ Brucker—Historia critica philosophiae, t. III, p. 530.—

⁶⁾ Fabricius—Biblioth. graeca, t. VII, p. 551.—

⁷⁾ W. Cousin—Manuel de l'histoire de la philosophie... Paris 1829. По Cousin'у, Немезій «процвѣталъ въ 380 году—при Θεодосіи Вел., а умеръ въ 400 году—при Аркадіи и Гоноріи» (tom. II, p. 361: table chronologique).—

⁸⁾ Ritter—Christlich. Philosoph. B. I, 483.—

⁹⁾ Dupin—Nouvelle Bibliothèque des Auteurs ecclesiast., t. III. p. 280.—

Выше мы замѣтили, что исторія сохранила намъ имена нѣсколькихъ (двухъ-трехъ) Немезіевъ. Отсюда среди ученыхъ изслѣдователей возникаетъ разногласіе по слѣдующему вопросу: епископъ Емесскій и авторъ трактата «De natura hominis» — *одно и тоже лицо* съ тѣмъ Немезіемъ, префектомъ Каппадокійскимъ, съ которымъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ и даже состоялъ въ перепискѣ св. Григорій Богословъ (Epist. 79, 183, 184; 185; сарм. LXI), *или нѣтъ?* Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ Fabricius, Brucker и Billius, но ихъ съ успѣхомъ опровергаетъ Оксфордскій издатель—согласно съ воззрѣніями и многихъ другихъ изслѣдователей патристической литературы. Мы не станемъ излагать здѣсь основаній, по которымъ оксфордскій издатель отстаиваетъ противъ трехъ указанныхъ ученыхъ свое совершенно справедливое мнѣніе о тождествѣ Немезія—епископа и автора съ Немезіемъ—префектомъ и другомъ св. Григорія, такъ какъ основанія эти указаны названнымъ издателемъ въ его ученомъ предисловіи, полный переводъ котораго помѣщенъ у насъ ниже ¹⁾; въ дополненіе-же и подтвержденіе вполне вѣроятнаго мнѣнія Оксфордскаго издателя мы сошлемся еще на авторитетъ Tillemont'a. Этотъ послѣдній также съ увѣренностью утверждаетъ, что Немезій—епископъ Емесскій и авторъ извѣстнаго намъ трактата—есть одно и тоже лицо съ префектомъ Каппадокійскимъ, который былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Григоріемъ Богословомъ и котораго этотъ св. Отецъ обратилъ въ христіанство. Свидѣтельство Tillemont'a, въ виду его ясности и опредѣленности, мы приведемъ цѣликомъ. «Немезій, которому писалъ посланія Григорій Богословъ, былъ человѣкъ, занимавшійся профессіей изящныхъ наукъ и краснорѣчіи (Naz. сарм. 61), имѣвшій значительную репутацію въ адвокатурѣ. Первое бремя правленія, какое ему досталось, была префектура въ Каппадокіи (Ер. 79). Св. Григорій отзывался о немъ съ большимъ уваженіемъ—какъ о человѣкѣ неподкупномъ, никогда не присуждавшемъ никого къ денежной пенѣ (сарм. 61). Немезій исповѣдывалъ изысканную религію: однако, такъ какъ онъ любилъ науки и почиталъ знашія Св. Григорія, то принялъ на себя заботу о немъ въ его старости. Св. Григорій, чтобы вознаградить нѣкоторымъ образомъ—достойнымъ епископа и преемника апостоловъ—услугу, какую онъ получилъ отъ правителя, вмѣсто того, чтобы забавляться, какъ другіе, и послать ему похвальное слово

¹⁾ Praef. ed. Oxon. p. 25—26 по изд. Matth.; см. рус. пер. ниже—стр. .—

(*elogie*), адресовалъ ему поэмѣ «о суетности идолатріи» (*carm.* 61, р. 146)—съ цѣлью убѣдить его принять вѣру христіанскую. Усердіе Григорія принесло плоды: кажется, что Немезій даже помѣстилъ свое имя между именами оглашенныхъ... Мы имѣемъ одно произведеніе Немезіа—христіанскаго философа (*de nat. hom.*)—и я не нахожу никакого препятствія вѣрить, что это есть именно тотъ самый Немезій, о которомъ у насъ рѣчь¹⁾. Приведенныя слова, такимъ образомъ, не только подтверждаютъ мысль Оксфордскаго издателя, что Немезій—префектъ и Немезій—епископъ *одно и тоже* лицо, но и даютъ наиболѣе полныя біографическія свѣдѣнія о нашемъ писателѣ. Съ мнѣніемъ Tillemont'a соглашаются всѣ остальные изслѣдователи, упоминающіе о Немезіи (*Gallandius*²⁾, *Ceillier*³⁾, *Plantinus*⁴⁾ и др.), за исключеніемъ Cave, который—по обыкновенію—отказывается давать какія-бы то ни было показанія въ спорныхъ вопросахъ.

Вопросъ о подлинности трактата «*De natura hominis*» возникаетъ благодаря тому, что нѣкоторые приписываютъ его св. Григорію Нисскому. Въ старыхъ изданіяхъ сочиненій этого послѣдняго (*Basil.* 1562, *Соп.* 1512) не рѣдко помѣщались «8 книгъ о философіи», составляющія не что иное, какъ 2-ю и 3-ю главы трактата «*De nat. hom.*». Это обстоятельство дало основаніе нѣкоторымъ ученымъ весь трактатъ «О природѣ человѣка» отнести къ произведеніямъ Григорія Нисскаго (*Ramelius*⁵⁾, *Lequien*⁶⁾). Правда, такому послѣднему заключенію препятствовало существованіе многихъ рукописныхъ кодексовъ, озаглавленныхъ именемъ Немезіа Емесскаго,—но и этимъ не смутились: Григорія *Нисскаго*, по свидѣтельству Оксфордскаго издателя, переименовали въ *Емесскаго* и смѣшали съ Немезіемъ⁷⁾. За принадлежность трактата «*De nat. hominis*» Немезію ручается, прежде всего, фактъ существованія массы перечисленныхъ у *Montfaucon*'а рукописныхъ кодексовъ этого трактата съ яснымъ обозначеніемъ на нихъ имени

¹⁾ Tillemont—Memoires pour servir à l'histoire Eccles. t. IX, p. 540—541.—

²⁾ Biblioth. vet. Patrum, vol. VII, p. 12 (prolegom.).—

³⁾ Histoire générale... pag. 283.—

⁴⁾ Plantinus—lectori praeef. по изд. Matth. p. 22; см. ниже рус. пер.—

⁵⁾ Ad Tertul. de animu, cap. 5 (Fabricius—t. VII).—

⁶⁾ Notae ad Damasc. De fide orthodoxa (Migne—Patrol. t. 94, col. 964, not. 93).—

⁷⁾ См. ниже—переводъ Praef. Oxon.—

Немезія, епископа Емесскаго ¹⁾). Затѣмъ, нельзя не согласиться съ утвержденіемъ Bellarmin'a, что «8 книгъ о философіи» не могли принадлежать Григорію Нисскому, такъ какъ въ нихъ (2 кн.) проводится мысль о предсуществованіи душъ, противъ которой рѣшительно возставалъ Св. Григорій ²⁾). Неудивительно послѣ этого, если всѣ почти ученые изслѣдователи безъ всякихъ колебаній склоняются къ той увѣренности, что «libri octo de philosophia», по недоразумѣнію приписанныя Григорію Нисскому суть нечто иное, какъ 2-я и 3-я главы трактата «De nat. hominis», принадлежащаго Немезію. Такъ думаютъ: оксфордскій издатель ³⁾, Фабрицій ⁴⁾, Галландій ⁵⁾, Дюпенъ ⁶⁾, Сейе ⁷⁾, Тиллемонъ ⁸⁾, Бруккеръ ⁹⁾, Walchius ¹⁰⁾ и др. Отсюда и повѣйшіе ученые (напр. Губеръ ¹¹⁾, Зибекъ ¹²⁾, Денисъ ¹³⁾, Штöкль ¹⁴⁾, Фесслеръ ¹⁵⁾, Карусъ ¹⁶⁾) не сомнѣваются въ принадлежности этого трактата Немезію, или-что тоже—въ подлинности его.

§ 2. *Общій характеръ и направленіе христіанской антропологии первыхъ четырехъ вѣковъ: Характеръ соч. „О природѣ человека“ и его историческое значеніе. Отзвонъ о немъ различныхъ писателей, издателей и позднѣйшихъ ученыхъ.*—Христіанское міровоззрѣніе первыхъ вѣковъ пользовалось античными философскими теоріями и методами—какъ для уясненія своего новаго содержанія путемъ добытаго раньше научнаго

¹⁾ Montfaucon—Biblioth. bibliothecarum; Index generalis—t. I и II: кодексы, содержаніе трактатъ Немезіа, на стран.—257, 406, 502, 521, 546, 592, 594, 622, 734, 778, 1199, 1055, 1103, 1359 и мн. др.—

²⁾ Bellarmin.—De scriptoribus eccles. (Bigne—Bibl. max t VIII, p. 618).—

³⁾ Praef. ed. Oxon. p. 25; см. рус. переводъ.—

⁴⁾ Fabricius—Bibl. graeca t. VII, p. 550; t. VIII, p. 150, 164; t. XIII, p. 345: здѣсь находится „Elenchus medicorum“, среди которыхъ помѣщенъ и Немезій съ упоминаніемъ о принадлежащемъ ему трактатѣ (De nat. hominis).—

⁵⁾ Gallandius—Op. cit. p. 12 (proleg.).—

⁶⁾ Dupin—Op. cit., p. 280.—

⁷⁾ Cellier—Op. cit., p. 283, прим. 2.—

⁸⁾ Tillemont—Op. cit. p. 607 —

⁹⁾ Brucker—Op. cit., p. 531.—

¹⁰⁾ Walchius—Bibliotheca Patristica, pag. 568. Ienae 1831.—

¹¹⁾ Huber—Die Philosophie der Kirchenväter, p. 321. München 1859.—

¹²⁾ Siebeck—Geschichte der Psychologie, стр. 397. Gotha 1881.—

¹³⁾ Denis—De la philosophie d' Origène, стр. 540. seqq.—

¹⁴⁾ Stöckl—Geschichte der Christlichen Philosophie Mainz 1891.—

¹⁵⁾ Fessler—Institutiones, Patrologiae t. I. 1890.—

¹⁶⁾ Carns—Geschichte der Psychologie, S. 381. —

матеріала, такъ и для отраженія противниковъ христіанской истины. Отношенія христіанства къ древне-классической фило-софской наукѣ выяснились довольно скоро. Съ одной стороны, эти два, повидимому совершенно противоположныя, направленія, исходящія изъ двухъ абсолютно различныхъ источниковъ, усилѣли къ концу IV вѣка—въ силу тѣхъ или иныхъ заповѣй фило-софско-исторической эволюціи и потребностей времени—нивел-лироваться (конечно, не по существу) на почвѣ нѣкоторыхъ общихъ принциповъ. Греческая классическая философія съ ея метафизическимъ направленіемъ и діалектическимъ методомъ ока-залась весьма пригодной для формальной обработки нѣкоторыхъ истицъ христіанскаго откровенія, которыя, будучи переведены на ея научный языкъ, получили болѣе точное выраженіе и ясный смыслъ, какой онѣ *implicite* заключали въ себѣ. Кромѣ этого непосредственного формальнаго значенія классической философіи для христіанства, она имѣла еще другое, уже болѣе косвенное, но за то не формальное только, а положительное, матеріальное, вліяніе на развитіе нѣкоторыхъ пунктовъ самой христіанской науки. Мы говоримъ—болѣе косвенное, потому что вліяніе это направлялось не непосредственно изъ научно-философской со-кровищницы классическаго міра на христіанскую теологію или этику, но—при посредствѣ нѣкоторой среды, которая могла легко примирить противоположности направленій, воспользоваться—на-сколько было нужно—научнымъ классическимъ матеріаломъ, не рискуя впасть въ противорѣчіе съ духомъ церковнаго ученія. Такой средой была христіанская антропологія. Сюда классическія идеи могли проникать скорѣе и свободнѣе, такъ какъ церковь еще не высказала здѣсь своего послѣдняго слова. Первые шаги въ историческомъ развитіи христіанской науки характеризуются раскрытіемъ догматической стороны христіанства; антропологи-ческіе вопросы затрагиваются здѣсь постольку, поскольку они соприкасаются съ идеями и интересами чистаго богословія,—при-чемъ, психологическій интересъ всегда уступаетъ мѣсто теологи-ческому и, въ частности, сотеріологическому. Ученіе о человѣкѣ, особенно—у восточныхъ христіанскихъ мыслителей, которымъ пре-имущественно принадлежитъ разработка догматическихъ вопросовъ, носитъ чисто теоретическій, апіорный и спекулятивный харак-теръ, свойственный богословію и имѣющій очень мало общаго съ эмпирическимъ изученіемъ природы человѣка на основаніи опыта и наблюденія. Однако, со временемъ обнаружилась по-требность дать научную и болѣе широкую постановку христіан-скимъ воззрѣніямъ на природу человѣка. Потребность эта обу-

словилась различными историческими обстоятельствами, какія пришлось переживать христіанству. Мы не станемъ исчислять ихъ здѣсь; скажемъ только, что въ силу этихъ именно обстоятельствъ христіанская наука перѣдко вынуждаема была обращаться къ содѣйствию антропологіи для разъясненія тѣхъ или другихъ назрѣвшихъ въ ней догматическихъ вопросовъ. Такъ, напр., появленіе ересей о Лицѣ Іисуса Христа заставило христіанскую догматику опереться на принципы научной антропологіи: чтобы понять—какъ могло произойти во Христѣ соединеніе двухъ естествъ и опредѣлить—какова была въ Немъ человѣческая природа, для этого необходимо было изучить прежде природу самого человѣка, создать христіанскую научную антропологію. Вотъ здѣсь то и сыграла свою роль древне-классическая наука: ея идеи явились живымъ матеріаломъ при построеніи зданія христіанской антропологіи, которая—въ свою очередь—вышеуказаннымъ путемъ простирала эти идеи въ теологію и этику, преломивши ихъ предварительно сквозь призму христіанскаго сознанія. Конечно, христіанская наука выбирала въ этомъ случаѣ изъ общей сокровищницы античнаго философскаго знанія лишь то, что всего болѣе соотвѣтствовало ея цѣлямъ и интересамъ. Вотъ почему ученіе о человѣкѣ въ патристической психологіи носитъ по преимуществу экклезиастическій характеръ. Несомнѣнно, съ другой стороны, что далеко не весь научно-философскій матеріалъ классической древности былъ пригоденъ для христіанской науки: при видимомъ сходствѣ нѣкоторыхъ основныхъ положеній и принциповъ философія зачастую была враждебна христіанскому міровоззрѣнію. Это нужно сказать главнымъ образомъ относительно неоплатонизма, который, какъ послѣднее слово античной философіи, ученые иногда склонны считать переходной ступенью къ христіанству. Извѣстно, что выродившійся изъ неоплатонизма гностицизмъ представлялъ собою грубую смѣсь извращенныхъ христіанскихъ понятій съ древними философскими идеями, хвасталъ высшимъ знаніемъ (*гносисъ*) въ противовѣсъ простой вѣрѣ церкви и стремился совершенно *измѣнить* христіанство, облекши его въ одежду языческой философіи. Вотъ почему въ первые вѣка нашей эры мы видимъ ожесточенную борьбу трехъ одновременныхъ направленій мысли—неоплатонизма, христіанской философіи и гностицизма. Эта борьба, въ которой побѣда осталась на сторонѣ христіанства, не прошла безслѣдно для христіанской науки: послѣдняя извлекла для себя пользу и изъ ложныхъ источниковъ, въ которыхъ находились все-таки крупныя истины. Неоплатонизмъ, усвоившій, какъ извѣстно, все богатство антич-

пой философія, воспользовавшись всѣмъ, что было лучшаго въ прошедшемъ, и излагавшій свое ученіе въ удивительно строгой и послѣдовательной системѣ, заставилъ и отцовъ церкви обратить вниманіе на систематичность и научность изложенія христіанскихъ догматовъ. Въ Александрійской катихизической школѣ происходятъ первые опыты сближенія и примиренія христіанства съ философіей. И вотъ именно легче и удобнѣе всего это сближеніе происходитъ на почвѣ антропологическихъ положеній. Въ своихъ психологическихъ теоріяхъ три вышеупомянутыя направленія мысли начала христіанской эры (т. е. неоплатонизмъ, христ. философія и гностицизмъ) выходятъ приблизительно изъ однихъ и тѣхъ-же началъ: идея *единства* души является исходнымъ пунктомъ ихъ антропологическихъ разсужденій,—при чемъ, эта идея не совсѣмъ мирится еще въ указанныхъ направленіяхъ съ дуализмомъ, вытекающимъ изъ нравственной потребности различенія въ человѣкѣ двухъ началъ—высшаго, божественнаго, и низшаго, связаннаго съ плотью. Впрочемъ, патристическая антропологія легко и скоро избѣгаетъ этого дуализма чрезъ подчиненіе низшаго аффективнаго или страстнаго начала въ природѣ человѣка высшей сторонѣ его существа—разуму, благодаря которому человѣкъ можетъ избѣгать аффектовъ, разрушающихъ достоинство его разумной природы, и унодоблять даже свой физическій образъ высочайшему и безстрастному Первообразу ¹⁾. Христіанская этика стремится выработать идеаль нравственно-практической дѣятельности; отсюда и антропологія, служа цѣлямъ и интересамъ этики, выдвигаетъ на первый планъ особый рядъ высшихъ чувствованій, связанныхъ съ сознательной оцѣнкой абсолютнаго достоинства нашихъ поступковъ, съ созерцаніемъ абсолютнаго добра, истины и красоты, а всѣ низшія чувствованія и аффекты относить къ функціямъ плоти и почти пренебрегаетъ (особенно—на первыхъ порахъ) ихъ анализомъ. И здѣсь христіанская наука опережаетъ или точнѣе усовершенствуетъ своими высшими точками зрѣнія доставляющую ей научный матеріалъ античную философію, которая была безсильна установить одинъ опредѣленный идеаль нравственно-практической дѣятельности, вследствие недостатка истинныхъ моральныхъ критеріевъ.

Вообще, характеризуя направленіе патристической антропологіи, возникшей на почвѣ христіанизированной античной научной философіи, нужно отмѣтить, что усвоеніе классическаго на-

¹⁾ Ср. Moeller—Gregorii Nyss. de hominis natura doctrina... Hal. 1851, p. 37 seqq. —

учно-психологическаго матеріала—въ интересахъ аналогія тѣхъ или другихъ христіанскихъ истинъ—налагаетъ особый отпечатокъ на всю почти патристическую антропологию первыхъ 4-хъ вѣковъ. Отъ объективнаго безпристрастнаго анализа тѣхъ или другихъ явленій психической жизни и ихъ связи съ другими областями христіанская антропологическая наука по возможности скоро переходитъ къ освѣщенію фактовъ по опредѣленнымъ, для классической науки недоступнымъ, постулатамъ вѣры и морали ¹⁾. Отсюда—основнымъ пунктомъ, концентрирующимъ всё положеніе христіанской антропологии, является ученіе о вѣчности, сверхчувственности и свободѣ человѣческаго духа. Эта тенденція красною нитью проходитъ черезъ всю исторію развитія патристической антропологии и по своему собственному масштабу формируетъ весь научный матеріалъ, ваятый изъ классической психологии. Объективно-эмпирическій интересъ отступаетъ здѣсь предъ спекулятивно-апологетическимъ, а потому вопросы о прошлой и будущей судьбѣ души получаютъ преимущественное значеніе предъ собственно психологическими изслѣдованіями (Оригенъ). Въ опредѣленіи природы души и ея отношенія къ тѣлу обнаруживается еще болѣе настойчиво, чѣмъ у Платона, стремленіе поставить психологическія разсужденія подъ свѣтъ этическихъ (Климентъ Александрійскій) и телеологическихъ (Немезій) постулатовъ. Относительно эмпирическаго существа души замѣчается тенденція—понимать ее, не смотря на множественность отправленій, какъ строгое единство (Григорій Нисскій). Въ общемъ, развитіе христіанской антропологии, какъ самостоятельной науки, на первыхъ порахъ идетъ довольно медленными шагами. У христіанскихъ писателей первыхъ вѣковъ мы находимъ сравнительно немного изслѣдованій, посвященныхъ спеціально антропологическимъ вопросамъ. *Зибекъ* въ своемъ историческомъ очеркѣ патристической психологии считаетъ необходимымъ остановить свое вниманіе только на трехъ христіанскихъ мыслителяхъ—Тертуліанѣ, Григоріи Нисскомъ и Августинѣ. «Изъ психологическихъ теорій, говоритъ онъ, въ болѣе строгомъ смыслѣ, произшедшихъ изъ смѣшенія христіанскихъ мыслей съ античными воззрѣніями болѣе самостоятельнымъ образомъ, имѣютъ интересъ для насъ, прежде всего, возникшая на основаніи ученія о психеѣ теорія Тертуліана, затѣмъ—покоющаяся на платонической основѣ теорія Григорія Нискаго и выросшая совершенно особенно изъ неоплатоническихъ воззрѣній—въ связи съ болѣе глубокими и

1) Ср. Siebeck—Geschichte der Psychologie, S. 360—369. —

самостоятельными мыслями—теорія Августина¹⁾. Первые три вѣка дали христіанской антропологіи собственно трехъ значительныхъ мыслителей: Тертулліана (на западѣ), Климента Александрійскаго и Оригена (на востокѣ). Довольно широкая постановка антропологическихъ вопросовъ у Тертулліана вызвана была полемикой, направленной противъ гностико-антропологическаго дуализма, имѣвшаго ближайшее отношеніе къ христологіи и нравоученію²⁾. По антропологической теоріи гностицизма, человѣческая природа составлена изъ двухъ началъ—добраго и злого—въ формѣ трехъ элементовъ—илическаго (отъ ὕλη, т. е. матеріальнаго), психическаго и пневматическаго, находящихся во враждебныхъ другъ къ другу отношеніяхъ; добро можетъ принадлежать (и дѣйствительно усвоится въ гностицизмѣ) только послѣднему изъ этихъ элементовъ, а зло—первымъ двумъ. Опровергая дуалистическую антропологію гностиковъ и ихъ дуалистическое объясненіе происхожденія зла, Тертулліанъ старается въ своихъ антропологическихъ изысканіяхъ доказать и обосновать два слѣд. положенія: а) человѣкъ не есть соединеніе двухъ враждебныхъ началъ и б) зло, существующее въ мірѣ и въ человѣкѣ, имѣетъ нравственный, а не космологическій (субстанціальныи) характеръ. Эти положенія раскрываются частіе въ ученіи о высокомъ достоинствѣ плоти, которая является благороднымъ (*generosus*), а не презрѣннѣйшимъ сосудомъ (*vilissimo capulo*) души, воспринимающимъ ея красоту, созданнымъ самимъ Богомъ³⁾,—въ ученіи о тѣлесности души⁴⁾ и ея единствѣ⁵⁾, о происхожденіи души⁶⁾, объ образѣ и подобіи Божіемъ въ человѣкѣ и о возможности паденія человѣка чрезъ свободное произволеніе—*per liberum arbitrium* (τὸ αὐτεξούσιον)⁷⁾. Но антропологическія теоріи Тертулліана не могли оказать существеннаго вліянія на развитіе общецерковнаго ученія о человѣкѣ: онѣ изобличаютъ тяготѣніе Карфагенскаго пресвитера къ монтанизму и непомѣрное увлеченіе стоической философіей (особенно—въ ученіи о тѣлесности души по Зенону, Клеанѣу, Хризиппу и др. и—о происхожденіи душъ),—да и сами по себѣ эти теоріи призваны были служить интере-

¹⁾ Siebeck—Op. cit. S. 370. Сравни. SS. 371—397 (изложеніе психологич. теорій Тертулліана, Григ. Нис. и Авг—на).—

²⁾ К. Поповъ—Тертулліанъ и его теорія христіанскаго знанія, стр. 211. Киевъ 1880.—

³⁾ Tertul.—De resur. carnis, cap. 7, ср. cap. 40.—

⁴⁾ De anima, cap. 5.—7.—

⁵⁾ De anima, c. 10.—

⁶⁾ De an. 22—24, 26—27.—

⁷⁾ De an. cap. 21.—